

Лучше быть Васильевым Блаженным, чем Иваном Грозным

НЕ ПОДВОДЯ ИТОГИ

30 июня Большой театр закрыл свой 220-й сезон. Восемь премьер, первый этап перехода на контрактную систему, громкие юбилейные вечера, громкие ссоры с выдающимися мастерами, не самым лучезарным образом складывающиеся взаимоотношения с критикой... Художественному руководителю — директору ГАБТа Владимиру Васильеву, конечно, еще не время подводить итоги на своем посту, но, безусловно, уже есть что вспомнить.

- Владимир Викторович, предполагалось, что в конце сезона продирижирует "Пиковой дамой" Евгений Светланов. И "Дама" была, но только без Евгения Федоровича. Почему?

— Еще один пример, подтверждающий, что нормально работать можно только на контрактной основе. Договоренность была устная. Я очень хотел, чтобы Евгений Федорович продирижировал "Пиковой". Мы и репертуар построили так, чтобы этот спектакль — по его желанию — пришелся на конец сезона, и "Травиату", хотя могли бы еще поработать над спектаклем, поспешили выпустить 16 июня, чтобы высвободить дни для его репетиций. Но увы... Из газет я узнал, что в это время у него оказались другие гастроли. Сейчас пытаюсь установить с ним контакт, чтобы уточнить планы на следующий сезон. А они у нас были очень серьезные: на 25 декабря намечена премьера "Лебединого озера" в моей постановке — Евгений Федорович подтверждал желание дирижировать этим спектаклем, а "Псковитянку", которую мы собираемся поставить, — как известно, это его давняя мечта, — вообще не мыслил без его участия.

Трудность нашего положения заключается в том, что мы можем "завлечь" великих мастеров в театр только именем театра, прекрасно сознавая, что работать здесь они будут в ущерб своим экономическим интересам. Потому я не могу никого уговаривать, не могу не отнестись с пониманием, если мне откажут, но тем не менее считаю, что для наших мастеров, успешно работающих на Западе, это имя не должно быть безразлично. Так что, дорогие мои коллеги — скажу вам

еще раз, — если вы хотите сделать что-то и во славу Большого театра, милости просим: он для вас открыт.

— Наладились ли ваши отношения с Мстиславом Ростроповичем? Будет ли он когда-либо еще дирижировать "Хованщиной"?

— Налаживать отношения всегда труднее, чем испытывать их на прочность. После того, как Мстислав Леопольдович публично высказал крайне резкие суждения о новой репертуарной политике Большого, наступило вполне понятное взаимное охлаждение, которое, надеюсь, мы со временем преодолеем. И само собой разумеется, я всей душой за то, чтобы он дирижировал своим спектаклем.

— В премьерных представлениях "Хованщины" ведущие партии исполняли петербургские певцы, на которых, собственно, и ставился спектакль, но вскоре они перестали приезжать. Не потому ли, что им за выход платили куда больше, чем своим, и это стало накладным?

— Имея спектакль в репертуаре, невозможно рассчитывать исключительно на гастролеров. У нас тоже есть кому петь эти партии. Но что касается оплаты, это правда. И ничего сверхъестественного: какой им интерес в таком случае выступать в чужом театре, у них свой есть! Короче, мы с вами опять вышли на ту же проблему: регулярно приглашать артистов со стороны Большому пока не по карману. Вот я и бьюсь, пытаюсь одолеть наши нескончаемые финансовые трудности. Весь год ходил с протянутой рукой — буквально на каждый спектакль приходилось выцарапывать дополнительные деньги. И среди богатых людей вовсе не так уж много желающих покровительствовать искусству. Впрочем, тут нам грех жаловаться: и "Травиата", и "Укрощение строптивой" были поставлены в значительной мере на спонсорские средства. Чтобы закрыть тему "оплаты труда", скажу, что, конечно, и чужим, и своим надо платить по мировым стандартам, и кое-какие соображения, как к этим стандартам приблизиться, у меня есть. Ну а пока мы радуемся тому, что сделан первый шаг — введена контрактная система для солистов.

— Сколько выступлений в се-

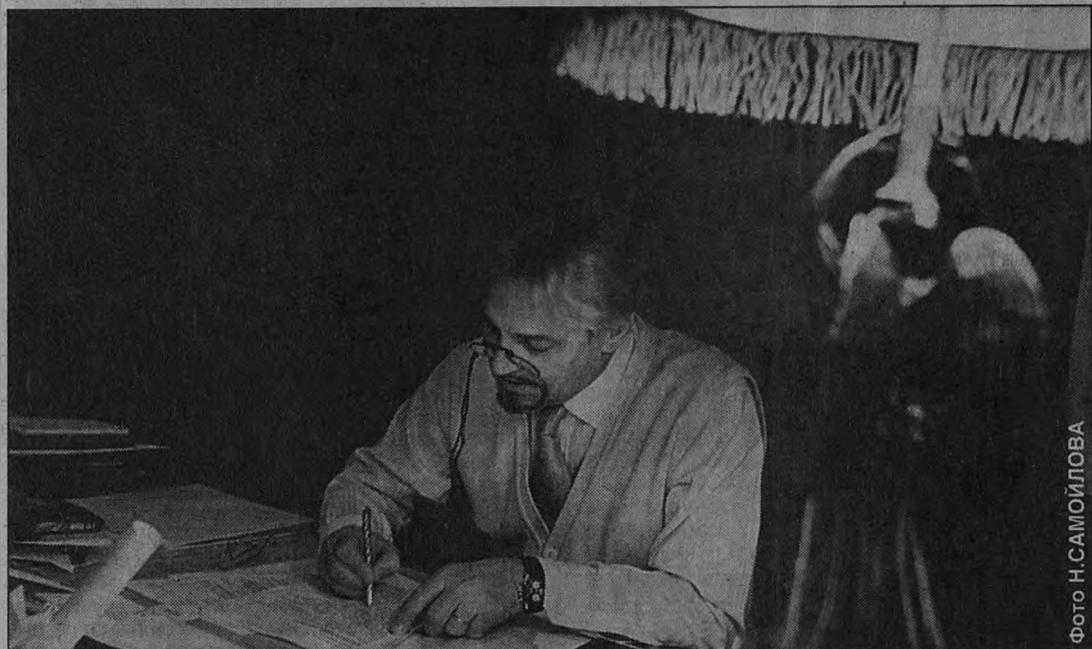

Фото Н. САМОЙЛОВА

зон в среднем предусматривает контракт ведущего артиста?

— Как минимум одно выступление в месяц гарантируется.

— Пожалуй, не слишком много?

— У меня случались сезоны, в которые я выходил на родную сцену не более 5–6 раз.

— Таким образом, прогресс в два раза опережает застой? Едва ли артист, который действительно хочет петь или танцевать в Большом, будет удовлетворен контрактом с такими гарантиями. И люди ведь уже потихоньку начинают уезжать. Юрий Клевцов заключил контракт с театром "Колон", Александр Ветров собирается работать в США. Ни тот, ни другой не хотели порывать с Большим театром, что доказывает их желание подписать контракт на разовые выступления в ГАБТе. Впрочем, Клевцов в итоге подписал обычный контракт, поскольку он у него практически не отличается от "разового": один концертный номер и одна партия — Спартак, причем, предположительно, только два выступления в спектакле до конца года. Александр Ветров в предлагавшемся ему "обычном" контракте не обанкротил ни одной партии классического репертуара. Тут уж не до творческих запросов — танцовщик может просто форму потерять, выходя раз в месяц, танцуя одно и то же и не танцуя классику. Вы не пыта-

лись убедить их остаться?

— Труппа очень большая — это раз. Выгонять людей на улицу невозможно — два. Надо вводить молодежь — три. Наконец, художественное руководство на то и художественное руководство, чтобы решать, в каком репертуаре артист предстанет в самом выгодном свете. Вся беда в том, что контракт, во всяком случае заключенный с родным театром, — вещь для нас непривычная и не очень понятная. Я не могу и не хочу никого упрощать. Дело это добровольное: кто не хочет подписывать, тот и не подписывает. Но, разумеется, можно попробовать договориться. Саша Ветров пришел ко мне, сказал, что ему жалко уезжать, что он не хотел бы навсегда отрываться от Большого театра. И я сказал, что сожалею о принятом им решении. И в конце концов мы договорились: он подписал контракт на разовые выступления. Это все равно говорит в пользу контрактной системы: мог ли раньше "крепостной" артист Большого театра, чем бы то ни было не удовлетворенный, помыслить о работе по совместительству? Нет, либо уход, либо сиди на месте!

— А если уход станет массовым явлением?

— "Звезды" должны выступать по всему миру. Ничего страшного нет в том, что человек решит стать свободным художником и будет приезжать в театр для того, чтобы выступить в каком-то конкретном спектакле. Ну а если

он все-таки предпочитает работать постоянно, тогда интересы театра должны быть во главе угла. Массового исхода не будет, уверен. Большой не может награждать талантом, но он дает имя. Это высокое звание — "артист Большого театра", и с ним не так-то легко расстаться.

— Ваше отношение к критике, высказанной в адрес балета "Последнее танго", и к самому этому балету.

— Там есть повторы — мне кажется, балет можно было бы подсократить, есть некоторое однообразие в драматургии, но я не могу сказать, что это плохой опус. Другое дело, что главная роль Вячеслава Михайловича Гордеева в Большом — художественный руководитель балета, а не хореограф. Он должен искать и приглашать хореографов, следить за качеством спектаклей текущего репертуара. И он выполняет эти задачи — в дивергентном, сопровождающем "Танго", появились новые номера, а со временем и они поменяются, и качество спектаклей не становится хуже.

Теперь о критике. А о ней лучше на собственном примере, не правда ли? Как танцовщик я был избалован критиками, зато когда начал ставить, тут-то на меня все и посыпалось. Так как же все-таки я отношусь к критике? А вот я процитирую:

Мне неприятен критиков разнос, Куда как лучше слышать одобренье, Но как работал прежде на износ,

Так и работать буду, Приводя в волнение Всех, с кем меня сведет судьба, Кто мне поверит или загорится Моей идеей, и тогда Не хватит времени Мне с критиками биться И дуться на весь мир. Останется стремиться Мне мысль и чувство в образы облечь, Опять взвалить Груз творчества на плечи И на работу с радостью налечь... Проходите, критики, нет, до свиданья! Не хватит одного желанья Собрать вас всех и в ад утечь.

— А кто автор?

— Догадаетесь.

— ?!

— А что делать? Вступать с критиками в спор считаю для себя недопустимым, но ведь надо же и пар как-то выпускать. Написал — и вроде бы ответил. Хотя на самом деле ответ может быть только один — твоя работа.

— Как вы думаете, почему Дзеффирелли не ответил на ваше предложение поставить "Травиату", даже письма с отказом не прислал? И не довзвел ли над вами его знаменитый фильм, когда вы работали над своей постановкой?

— Думаю, нестабильность нашего положения сыграла свою роль. Кроме того, помимо творчества, он сейчас занят еще и политикой. А не ответил... Знаете, честно признаться, я, к стыду своему, тоже не всегда отвечаю, когда не знаю, как ответить.

Фильм довзвел только в одном: я понимал, что не должен делать так, как в этом фильме. Но мне хотелось сохранить главное, что было у Франко и за что его ругала собственная критика, — "золотое" богатство декораций. Это считалось недостаточно хорошим вкусом. Но я считаю, что для сцены Большого эта пышность подходит как нельзя лучше. Был бы другой театр — и я бы поставил другой спектакль. Кстати, я видел великое множество постановок этой оперы. С тем же успехом можно сказать, что и они надо мной довзвели. Прекрасно отдавал себе отчет в том, что, как бы ни поставил балетный номер, все равно скажут, что Максимова и Васильев были лучше. В фильме гораздо легче выявить суть всех артистов, суть героини — я, например, совсем не в восторге от того, как пела Стратас, такое пение со сцены меня бы разочаровало, а тут воспринималось совершенно иначе. Да что долго рассуждать. Над на-

ми довлел наше прошлое и наши знания. Всегда революции легче совершать людям малоизвестным, отсюда, мне кажется, и разрушительная сила революций.

— Уже названы четыре грядущие премьеры — "Иван Сусанин", "Псковитянка", "Лебединое озеро" и программа "Шедевры советской хореографии". Означает ли это, что и в следующем сезоне Большому не светит встреча ни с одним западным хореографом или режиссером? Почему поставленную при прежнем руководстве "Жизнь за царя" опять решили превратить в "Сусанина" и куда подевались задуманные оригинальные произведения — опера "Капитанская дочка", например, или балет "Преступление и наказание"?

— Две крупные оперные премьеры и две балетные — это наш минимум, выпустить их мы просто обязаны. Но это не значит, что мы ими и ограничимся. Будут и другие премьеры, не такие фундаментальные, будут концерты. Появятся и зарубежные постановщики, если, конечно, найдутся деньги, а мы постараемся их найти. Из хореографов — это Бежар (он, правда, скорее всего появится через сезон, но с ним уже есть твердая договоренность, сделаем ретроспективу его творчества, в которую войдут адажио из "Ромео и Юлии" и "Весна священная"), это Гленн Тэттли, с которым мы предварительно договорились буквально недели две назад в Дрездене. Собираемся поставить у нас его знаменитый "Волонтарис". А освоив хореографию Бежара, Тэттли, Балаччино, сумеем уже подступить и к хореографии Килиана или Матса Эка, балеты которых я также мечтаю видеть на сцене Большого театра, но они требуют серьезной, специфической подготовки артистов. Килиан уже много лет ставит только для своей труппы, но, кстати, тоже дал мне недавно обещание поставить какое-либо из своих произведений на нашей сцене.

Уже в сентябре к нам приедет смотреть труппу Питер Устинов. В сезоне 1997/98 г., то есть через сезон, он поставит в Большом "Любовь к трем апельсинам", и Андрей Кончаловский, вероятно, — "Кармен".

"Ивана Сусанина" будем возвращать потому, что "Жизнь за царя", на мой взгляд и не только мой, оказалась постановкой неудачной, а ведь эта опера — ви-

зитная карточка Большого театра. Надо вернуть великолепные декорации Вильямса, и даже режиссура старого спектакля была куда более интересной, а Польский бал — так просто шедевром. Главное это, а вовсе не новое либретто. Многие думают, что возобновление обернется провалом, но так же думали и о балете "Ромео и Джульетта", а вышло совсем иначе.

"Капитанская дочка" никуда не подевалась. Музыка для нас пишет Михаил Ермолаев-Коллонтай. Через полтора года она должна быть готова. Пока, по-моему, получается очень интересно. Что касается балета "Преступление и наказание", идея которого исходила от Шемякина, то пока все приостановилось и как раз из-за того, что до сих пор не найден композитор.

— Какие ожидаются гастроли?

— Артисты балета будут выступать в июле в Австрии и в Бразилии, в октябре — почти месяц — в США, в Лос-Анджелесе и Лас-Вегасе — в этом городе, кстати, раньше мы никогда не гастролировали. Много предложений поступило и на 97-й год.

— Большой театр, как известно, возбудил дело против "Columbia Artists", которая организовывала гастроли башкирской труппы, вместе с башкирскими артистами ГАБТа выступившей в США под именем Большого. Как проходит процесс?

— Дело приостановлено. Нам посоветовали отозвать иск, поскольку процесс грозит сильно затянуться, а долгое судебное разбирательство в Америке — очень дорогое удовольствие. Мы ответили, что заберем иск, но только если нам будет выплачена компенсация за ущерб, нанесенный этим выступлением. Сейчас идут "торги". Мы настроены стоять на своем до победы, потому что надо все-таки когда-нибудь положить конец этому разгулу.

— Знаете ли вы, что вам дали в театре прозвище Васильев Блаженный, и как вы его воспринимаете?

— Да, мне говорили. Что ж, наверное, иногда я и произвожу такое впечатление. Время покажет, "блаженность" ли это на самом деле. Но в любом случае лучше быть Васильевым Блаженным, чем Иваном Грозным.